

Для того чтобы начать разговор на эту тему упомяну вначале о книге Пауля Кареля «Восточный фронт». Фамилия Карель— на самом деле псевдоним бывшего исполнительного директора службы новостей III рейха, начальника пресс-службы Имперского министерства иностранных дел, оберштурмбаннфюрера СС Пауля Карла Шмидта. Назвать его книгу историческим трудом очень сложно, и даже не потому, что она чересчур уж тенденциозна, а из-за невысокой культуры автора. Он, может, и хотел бы написать что-то серьезное, но по большей части плохо соображает, о чем он, собственно, пишет. Поэтому у него рядом с безусловными фактами соседствуют такие глупые «залепухи», что даже обижаться на него сложно.

Особенностью его труда является не только то, что он собрал многочисленные воспоминания немецких солдат и офицеров той войны, но и то, что Карель очень редко авторизовал их, то есть не сообщил, кто именно рассказал ему ту или иную историю. А эта анонимность позволяла его собеседникам фантазировать так, как они не посмели бы, если бы их заставили подписаться под их фантазиями. Поэтому, по сути, только у Кареля можно, к примеру, насладиться описанием полчищ монголов на Восточном фронте, другие немецкие авторы про них после войны как-то сразу забыли. Читаешь Кареля и просто видишь, как бравый немецкий ветеран, выпив за его счет пару рюмок шнапса и полируя их кружкой пива, в благодарность за выпивку вешает бедному оберштурмбаннфюреру лапшу на уши.

Несколько лет десятки миллионов человек воевали друг с другом, и по теории вероятностей в этом противостоянии могли произойти самые невероятные или нелепые случаи. Скажем, мой отец рассказывал, что у них в дивизии во время боя немецкие истребители штурмовали наши войска, в том числе и минометную батарею, которая вела огонь по немецкой пехоте. Минометчики попрятались в щели, но один сержант продолжал вести огонь — продолжал вбрасывать мины в ствол миномета, и в результате зашедший на штурмовку этой батареи немецкий самолет наткнулся в воздухе на одну из мин и был сбит. Достоверность этого случая подтверждается его уникальностью — никогда больше я не слышал, чтобы еще какой-нибудь самолет был сбит из миномета.

И когда я читаю у Кареля, к примеру, такое описание рукопашного боя: «С дюжину советских солдат подобралась к орудью Гедериха, в десяти метрах вскочили и бросились к нему. Гедерих со своими людьми отбивались лопатками, пистолетами, штыками. Четверо русских было убито. Трое или четверо скрылись в кустарнике. Лейтенант Гедерих получил ранение, как и весь расчет», — то, конечно, пожмешь плечами от того, что 12 красноармейцев, у которых на винтовках были штыки, не

перекололи в рукопашной шестерых-семерых немцев с лопатками в руках, но один раз эти лопатки сами по себе не вызывают сомнений — чего не бывало!

Но когда в описании рукопашных схваток раз за разом читаешь, что не штыки, а лопатки были основным оружием немцев в рукопашном бою, то теперь уже вся достоверность этих боев становится сомнительной. А эти лопатки в рассказах немецких ветеранов—непременный атрибут: «Тем временем подтянулись батальоны пехотной дивизии СС «Рейх». Мотоциклетному батальону СС под командой

Клингенберга перво-наперво предстояло прорваться через укрепленный рубеж в лесу сразу к западу от Истры на шоссе Волоколамск—Москва, удерживаемый частями знаменитой 78-й сибирской стрелковой дивизии. Известность солдаты этой дивизии получили вследствие того, что не только не брали пленных, но и сами никогда не сдавались. Немцам пришлось с гранатами и лопатками в руках брать в жестокой рукопашной дот за дотом. Мотоциклисты Клингенберга сражались с величайшей храбростью, и многие молодые люди из войск СС отдали в том бою свои жизни». Или: «Перед ними в сумерках октябрьского вечера лежала Тула. Над городом поднимались клубы пыли и дыма. С гранатами, пистолетами и лопатками в руках солдаты прокладывали себе путь через позиции противника». Или: «Наконец наступающим удалось пробить брешь в сильных позициях сибиряков, и два пехотных полка из дивизии СС «Рейх» — «Дойчланд» и «Дер Фюрер» — пошли на прорыв. Стрелять времени не осталось — в ход пошли лопатки и винтовочные приклады. Немцы ударили на батарее сибиряков с тыла». (Немцы могли к винтовкам примкнуть штыки и с ними идти в рукопашную, но по рассказам храбрых немецких ветеранов они этого почему-то не делали, а вместо этого у них «в ход пошли лопатки». Почему лопатки, а не штыки?) Или вот: «Головная рота пробивалась через глубокий снег по обеим сторонам дороги к ближайшему селу и, действуя как штурмовое подразделение, атаковала противника узкими глубокими порядками. Атака начиналась с сосредоточенного минометного обстрела. Потом главным орудием становились ручные гранаты или — в рукопашной — шанцевый инструмент. Тем временем остальные роты расчищали дорогу технике. Таким образом, наша боевая группа напоминала медленно ползущего оцетинившегося иглами ежа».

Примкнутый к винтовке штык — это наиболее эффективное в бою холодное оружие, это настоящее оружие, а лопатка — это эрзац-оружие, это то, что можно использовать только тогда, когда, кроме зубов, уже совсем никакого оружия не осталось. Причем, штыков у немецкой пехоты было больше, чем винтовок, поскольку немецкий штык был ножом, и им вооружались все — включая пулеметчиков и автоматчиков. Но о собственно

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

штыковых атаках немцев у Кареля практически нет никаких упоминаний — только «лопаточные» атаки! При этом, о лопатках пишется только в воспоминаниях ветеранов у Кареля, другие немецкие авторы о них не упоминают, а наши ветераны не помнят, чтобы немцы вообще ходили на них в рукопашную, тем более, с этими дурацкими лопатками. Пойти в атаку с лопаткой на нашего красноармейца, вооруженного винтовкой с примкнутым штыком, — это же безумие! Немец же своей лопаткой до него не достанет!

Потом, основное оружие немецкой пехоты — пятизарядная магазинная винтовка (карабин) или автомат. Действовать этим оружием можно только двумя руками. Если немец идет в рукопашную атаку с карабином даже без штыка, то он, по крайней мере, может раз пять выстрелить в тех красноармейцев, с которыми сближается, но если у него в руке еще и лопатка, то он же не сможет оставшейся рукой действовать винтовкой — не сможет стрелять! Красноармеец же вообще не даст ему к себе подойти на расстояние удара лопаткой и пристрелит еще до своего удара штыком. И, наконец, насколько серьезную рану можно нанести лопаткой? Тогда бы уже лучше рассказывали, что они на русских с топорами ходили в рукопашную — все ж более солидное оружие.

* * *□

Немецкие старички явно брешут, и возникает два вопроса: «откуда ноги растут» у этих лопаток — с чего вдруг про них заговорили и зачем немецким ветеранам нужна эта наивная до глупости брехня?

У меня нет сомнений, что о лопатках вспомнили из рассказов немецких ветеранов Первой мировой войны, воевавших на Западном фронте с французами и англичанами. Та война очень быстро стала позиционной, причем, оборонительные позиции тех же французов к концу войны были беспрецедентны по своему инженерному обустройству. Вот как Р.Я. Малиновский, воевавший в те годы во Франции, описывает, что представляли собою передовые позиции французов.

«Утром прошли через городок Шалон, разбудив его жителей озорной солдатской песней. В городе свернули налево, пошли на Ля Вев и вскоре расположились в бараках Мурмелона. Там переночевали, связались с французами, занимавшими окопы на передовой позиции, и ночью выступили им на смену проделав километров шесть по

ходам сообщения, носившим громкие названия: «Центральный бульвар», «Бульвар Святого Мартина», «Бульвар Сен-Жермен». Наконец стрелка указала: «Аванпост № 2». Туда, соблюдая особую тишину и маскировку, и направились пулеметчики.

...Траншею давно обжили. По глубокому дну ее были проложены деревянные решетки, а под решетками проходила канавка, по которой стекала во время дождя вода; правда, в низинах сток был плохой, и вода туда собиралась из всех окопов и траншей. Ее приходилось вычерпывать, а она снова натекала, и траншея наполнялась белой и тягучей, похожей на сметану, жидкой грязью. Приходилось ходить по этой жиже, пока она не загустеет, тогда ее выбрасывали лопатами за бруствер. По стенкам траншей прикреплены планки с роликами, на которые натянуты телефонные провода. По решеткам на дне траншеи проложена миниатюрная узкоколейка для подвоза боеприпасов, пищи, дров, воды

...Французский капрал все старательно пояснил, указал расстояния до целей. Сдал по описи инвентарь поста: бочки с водой, дрова, провода, телефоны, матрацы, убежища. Кстати, убежища были оборудованы глубоко под землей. Вниз вели тридцать восемь ступенек; а там — крепкое дубовое крепление, как в шахте, по бокам деревянные клетки, обтянутые железной сеткой, а на них солдатские матрацы. Это — койки. Для начальника пулемета даже отдельная комната с одной койкой, столом, сбитым из досок, запасом ручных гранат и патронов в лентах. Из убежища два выхода — один от начальника пулемета прямо в траншею к стрелкам и другой — из общего помещения к пулеметному, крытому, хорошо замаскированному гнезду.

— Ну, тут можно воевать! Это тебе не русский фронт, там, бывало, все на живую нитку,— поговаривали пулеметчики.

Аванпост № 2 представлял собой небольшой, хорошо укрепленный узел, выдвинутый от передовых траншей в сторону противника метров на триста — четыреста. С траншеями он соединялся отдельным крытым ходом сообщения. На аванпосту располагался пулемет под начальством Ивана Гринько и стрелковое отделение шестой роты».

То есть укрепления Первой мировой войны представляли собою подземные города, убежища которых располагались на глубине 6-8 метров (вниз вели тридцать восемь

ступенек). Как брать такие позиции? Ну, забежит в атаке немецкая пехота на них сверху, а как выковырять французов из-под земли?

Вниз, во все эти крытые хода сообщения, траншеи и убежища немцы посылали штурмовые группы для действительно рукопашного боя. Но чем солдат этих групп вооружить? Винтовка со штыком совершенно не годилась, так как была длинной и цеплялась за стены узких ходов сообщений. И этих солдат вооружали десятизарядным пистолетом «Маузер». Но для стрельбы из пистолета достаточно одной руки, рационально было вооружить и вторую, но чем? Исходя из тактики схваток в таких узких местах, разумно было бы дать им в свободную руку артиллерийский бебут — нечто вроде короткого меча — или турецкий ятаган. Однако у военного министерства Германии до постановки на производство этого оружия из XIX века руки не дошли, и фронтовые немецкие офицеры, импровизируя, вооружали свободную руку солдат заточенными лопатками. Не потому вооружали, что это оружие, а потому, что больше нечем было. Ею, в случае чего, можно было ткнуть в лицо противнику или попробовать ударить по каске... Но, главное, лопатку можно было использовать по назначению — расширить заваленные ходы под землей.

Для комплектации немецких штурмовых групп набирали самых бесстрашных солдат — самых отъявленных головорезов, и благодаря им лопатка в немецкой армии стала символом солдатского бесстрашия. Пистолетами были вооружены многие, а вот пистолетом и лопаткой — только немецкие супермены. В понимании немецких солдат, драться лопаткой — это ох как круто! Вот и возникла эта лопатка в воспоминаниях ветеранов Второй мировой, хотя ей в рукопашных схватках той войны совершенно не было места.

□ * □ * *

Второй вопрос — из чего у немецких ветеранов возникла потребность брехать про «лопаточные» схватки? Да из того, что они побежденные. Были бы победителями, нужды брехать бы не было.

Они ведь, повторю, прекрасно знали, что их вместе со вшивой Европой 400 миллионов, а русских всего 190, они же понимали, что сами напали на нас, напали, но не победили! Разговоры про монгольские полчища, про морозы под Москвой в 58 градусов — все это хорошо, но для бедных умом. А для солдат оставалась единственная настоящая причина

— не победили потому, что были менее мужественными, нежели русские. И для немецких солдат было очень важно забрехать именно это обстоятельство, поскольку немецкие ветераны не только понимали это, но они и видели это.

Дело в том, что начиная с прусского короля Фридриха II, а скорее всего, и раньше принципом немецкой армии было уничтожение врага не холодным оружием, а огнем. До Первой мировой немецкую пехоту, скорее всего, еще учили штыковому бою, по крайней мере мой дед в штыковой атаке получил ранение штыком в живот, впрочем, от австрийца. Но перед Второй мировой тактика немцев совершенно не предусматривала никаких сближений с противником до расстояния рукопашной схватки и немецкую пехоту штыковому бою не учили. Все рукопашные схватки той войны навязывались немцам Красной Армией. Это было уже анахронизмом, это стоило нам огромной крови, но это было так, тут уж немецкие ветераны не врал, когда описывали производимый на них эффект от русской атаки, к примеру: «Словно загипнотизированные, они взирали на приближавшуюся к ним бурую как земля стену из одетых в военную форму человеческих тел. Русские бежали ровными шеренгами, оцетинившись длинными штыками винтовок».

Надо сказать, что немцы абсолютно справедливо критиковали подобные методы боя.

«Хенерт знал, что делал. Он смотрел в бинокль и мог уже разглядеть лица русских, но все еще не давал приказа открыть огонь. Чем раньше он сделает это, тем быстрее русские залягут и отползут под прикрытие. Хенерт по опыту знал, что русских необходимо срезать разом — одним решительным ударом. Упорство их пехотных атак граничило с механической тупостью. Даже если десять пулеметов будут выкашивать их ряд за рядом, они все равно не остановятся. Они будут кричать свое «Ура!» и погибать под пулями.

Почему? Зачем? Взятые в плен офицеры и военнослужащие сержантского состава дали ответ на вопрос. В Красной Армии командир лично отвечал за срыв атаки. Соответственно, он будет вновь и вновь гнать солдат на убой, чтобы выполнить приказ. Это не означает, что ему не жалко своих людей, однако отношение к жизни бойца в Красной Армии иное, чем в вооруженных силах западных стран. Передовыми позициями, укрепленными пунктами или угодившими в окружение частями жертвуют без сомнения, если жертва эта окажется выгодной в стратегическом плане. С самого момента его призыва в армию советскому солдату говорят: главное — сойтись с противником в ближнем бою. Поэтому он всегда стремится к действиям именно такого

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

характера и хорошо подготовлен для рукопашной схватки. На умение пользоваться штыком в период подготовки новобранца отводится значительная часть времени. В штыковой русские мастера. Они также обучены стрелять с колена и лежа. А пользоваться лопаткой и винтовочным прикладом умеют ничуть не хуже, чем солдаты немецких штурмовых рот. В полевом уставе 1943 г. говорится: «Победу приносит только атака, начатая с безудержным стремлением уничтожить врага в ближнем бою». Вот в каком духе мыслили русские, устремляясь в атаку.

Лейтенант Хенерт, сидевший возле железнодорожной насыпи у села Кругловка, видел, как они идут. До противника оставалось всего 500 метров. И вот наконец Хенерт поднялся и прокричал:

— Длинными очередями!

Разом, точно свора голодных псов, затаивкали немецкие пулеметы. Красноармейцы словно подкошенные падали на землю. На место мертвых и раненых первой волны вставали солдаты второй».

Да, в такие атаки немцы не ходили, да, в таких наших атаках немцы убили сотни тысяч русских, но ужас от этих атак у немцев оставался, и, в конце концов, это все же русские оказались в Берлине, а не немцы в Москве. Вот этот комплекс неполноценности по части мужества висел над немцами и заставлял их доказывать брехней про лопатки, что на самом деле они тоже могут, как русские, ходить в рукопашные — они тоже такие же храбрые.

* * *

А теперь о нашем русском отношении к отваге и мужеству на войне. Помню свой разговор с отцом.

— Папа,— спрашиваю я,— а ты немцев убивал на войне?

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

— Убивал.

— Много?

— Много...

— Лично убивал?

— Бывало и лично.

— А как?

— Да по-разному.

— А как все-таки?

— Не помню, отстань.

Но хотя я и подросток, но тактик, и начинаю делать обходной маневр, понимая, что и отец понимает, что он не может не помнить, как убил первого.

— А как ты убил первого?

Отец без энтузиазма начинает рассказывать...

Мне могут сказать, что это семья у меня такая — не боевая. Нет, это русский взгляд на войну, и русский характер. В подтверждение этого у меня имеется приличная статистика.

В газете «Дуэль» в июне 2000 года я обратился к советским ветеранам войны в статье «ЗА ДЕЛО, ВЕТЕРАНЫ!» с таким предложением.

«Совет ветеранов войны, труда, военной службы и пенсионеров района «Мещанский» г. Москвы сделал прекрасное дело, как я понимаю, по инициативе и под руководством одного из наших авторов, полковника запаса Евгения Алексеевича Богданова. Под его редакторством и при содействии Управы района «Мещанский» тиражом 2000 экземпляров выпущен сборник воспоминаний местных ветеранов о войне. Эка невидаль, скажете вы. А вот и невидаль! Этот сборник написан для собственных внуков — для детей школ района. До этого еще никто не додумался!

Ведь в школах нашу историю уродуют всякие кредеры, Соросы и прочие сволочи. А мы на это пялимся и только глазами моргаем: дескать, никто ничего не может сделать. А ветераны Мещанского района взяли и сделали!

А ведь это еще не вся польза от такого сборника. Ветераны умирают и уносят с собой истинные знания о войне, а мы потом пытаемся узнать о ней из книг писателей, многие из которых видели войну из глубокого тыла и, кроме этого, не понимают смысла действий на войне бойцов и командиров.

Но и это не все. Мало того, что наши дети мало знают о величайшем подвиге дедов, но если и знают, то относят это к каким-то другим дедам, а не к своим собственным. К тем, кого по телевизору и в кино показывают. А собственные деды вроде так — не в счет.

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

То, что сделали ветераны Мещанского района — это пример необычайной важности, пример, которому надо следовать немедленно всем советам ветеранов. Скажу цинично — пока вы еще живы.

Но только создавать подобные сборники надо без тех ошибок, которые допущены первопроходцами. Их две.

Вспоминайте для детей! У нас, у русских, есть достоинство и недостаток одновременно— скромность. Мы страшно боимся, чтобы нас не сочли хвастунами. Очень часто эта скромность уместна, но не в случае, когда вы рассказываете детям о войне! А ветераны Мещанского района написали воспоминания так суконно, что их только бывшие командиры и способны прочесть. Не только дети — взрослые не поймут, что же ветераны на войне делали, и зачем все это надо было.

Вот, к примеру, воспоминания Б.Н. Житова, бывшего командира пулеметного взвода, уже в войну умевшего написать, на мой взгляд, неплохие стихи. Пародирую: «прибыл на фронт, участвовал в боях», «из 120 бойцов нашей стрелковой роты осталось в строю 27 человек, из трех пулеметов в моем взводе остался один», «был тяжело ранен, прибыл на фронт, участвовал в боях, был ранен...»— и так четыре раза. И все. Уважаемый Борис Николаевич Житов! А вы зачем на войну ходили? Чтобы людей потерять и самому быть раненым? И только-то?! Вы почему ничего не рассказали, как не Вас, а как Вы немцев били?! Когда вы пишете для детей, то ваша скромность хуже преступления! Ведь они ничего не поймут, а надо, чтобы они захотели после Вашего рассказа быть, как Вы, а не как Рембо. Чтобы, прочитав Ваш рассказ, бежали на улицу играть в командира пулеметного взвода! Нашего, советского пулеметного взвода!

Итак написали почти все ветераны. Наш прекрасный автор В.В. Глуховский написал так серо, что хоть плачь! Ведь Вы детям писали, Василий Васильевич, как же можно было не рассказать им, как Вы стреляли, как от ваших выстрелов падали или хотя бы скрывались враги?

Это уже не скромность, это полное непонимание того, как у наших детей повернуть мозги.

Единственным, кто правильно понял, зачем он пишет воспоминания, оказался бывший матрос Амурской пограничной флотилии Алексей Сергеевич Кузнецов. Чтобы понятно было, о каких воспоминаниях для детей я пишу, дам его рассказ почти полностью:

«После взятия японских пограничных постов наш отряд получил задание— найти возможность для прохода боевой техники наших войск по одной из дорог в горах Хингана. Выступили темной ночью, шли, в основном, по компасу. Достигли реки, которая оказалась одним из притоков реки Сунгари, вдоль которой наши войска устремились на город Харбин.

На берегу реки остановились, осмотрелись. Ни перехода, ни переправы на другой берег не было видно. Вскоре обнаружили стальной трос, перекинутый через речку. Решили, что это, возможно, трос для парома, хотя из-за темноты противоположный берег не был виден, да еще непрерывно шел морозящий дождь.

Командир отряда принимает решение: послать вплавь на другой берег реки добровольцев с задачей — выяснить, есть ли паром, а если есть, то перегнать его на наш берег. Командир вызывает добровольцев — тишина, только река гудит. В это время года в Маньчжурии сезон дождей, реки многоводны, течение в них быстрое. Плыть по такой реке ночью, в бурном потоке большой риск. Командир объясняет, что приказать в данных условиях он не может, так как еще не знает, кто из личного состава отряда хорошо плавает. Объяснил, что времени терять нельзя. Вызвал добровольцев вторично. Тогда вперед вышел я.

Вторым вызвался старшина Фокин. Мы зашли вверх по течению и сняли с себя все, что могло мешать плыть.

Первым в воду вошел я. Меня тут же сбilo с ног и понесло, как щепку. Несло меня в потоке воды минут двадцать. Я с трудом зацепился за противоположный берег, вылез на него и осторожно пошел в сторону, где, по моему представлению, мог находиться паром. Не доходя до места нахождения предполагаемого парома, я залег в низинке и стал дожидаться прихода Фокина. Приглядевшись, я увидел в полосах дождя контуры парома, а на фоне более светлой полосы горизонта сидящего на поваленном дереве человека. Человек явно дремал. Приблизившись, я различил у него на коленях винтовку

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

— значит, часовой. Стал вести себя еще более осторожно. Прошло более получаса. Фокина все не было. Хода назад тоже. Беспокоила мысль, что если часовой дремлет, значит, скоро может быть смена, так как свежий часовой дремать не станет.

Время идет. В отряде ждут результатов нашей разведки. Решил действовать в одиночку. Эх, думаю, была — не была. Или грудь в крестах, или голова в кустах!

Подобрал увесистый камень и под шум дождя, босиком, подобрался к сидевшему сзади. Оглушив часового камнем, забрал у него винтовку и забрался на паром. Приспособления, которое накидывается на трос для перетяжки парома вручную, не нашел. Схватился за трос голыми руками. Потянул. Паром продолжал стоять, а все ладони были в крови. Трос оказался старым, часть стальных нитей лопнула и, как иголками, впивалась в ладони. Догадался, что можно спустить рукава гимнастерки на ладони и их обшлагами братья за трос. Поднапрягся и сдвинул паром с места. Видно, недаром меня в отряде называли медведем.

Медленно, потихоньку перетянул паром до нашего берега, чему сам был очень рад, а мои товарищи довольны.

Командир отряда доложил по радиации обстановку, объяснил причину нашей задержки, а также о том, что старшина Фокин не вернулся, но его документы и оружие в отряде. Отряд двинулся дальше по заданному маршруту.

За выполнение задания, связанного с риском для жизни, я был награжден медалью «За отвагу».

Матрос Амурской пограничной флотилии

А.С. Кузнецов».

Вот такое воспоминание прочтет наш русский паренек, и у него не сможет не зародиться мысль: «А зачем мне эти фантастические голливудские рембы, если у России есть абсолютно реальные Кузнецовы? И они не где-то, а в моем районе и живут в соседнем доме».

Вторая ошибка района «Мещанский»— это обращение ветеранов к детям в начале сборника. Оно хорошее, но не для данного момента. Ведь сегодня не только дети — взрослые одурачены. А ветераны обращаются к детям так, как будто эти дети все о войне и о СССР знают правильно. Пусть простят меня ветераны, но я предложил бы им такой вариант вступления.

«Ребята! Наша Россия не всегда была такая, как сегодня. 60 лет назад она была вдвое больше по территории, и все мы (не только нынешние народы России, но и украинцы, белорусы, молдаване, грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, туркмены, таджики, узбеки, литовцы, латыши, эстонцы) были братьями, а наша страна называлась Союзом Советских Социалистических Республик.

Называлась она так потому, что у нас в стране не было паразитов, которые бы грабили трудящегося человека, которые бы жили за счет других людей. Мы таких паразитов презирали, а наше государство их наказывало.

За это нас очень ненавидели в других странах, где паразиты, как сегодня в России, по закону считаются уважаемыми людьми. И паразиты в Англии, Франции, США и других странах решили натравить на нашу страну Германию и этим погубить.

А в Германии в 1933 г. к власти пришел А. Гитлер, который сумел убедить немцев, что они «высшая раса», и поэтому у них, немцев, должны быть в рабах люди «низшей расы». Такими людьми «низшей расы» немцы считали многих, в том числе и нас — русских. Вместе с Гитлером немцы размышляли захватить нашу страну сначала до Урала и Каспийского моря, сократить население русских до уровня, необходимого для работ у них на полях и в шахтах, и заселить всю эту территорию немцами. Так что, ребята, если бы мы, ваши деды и прадеды, в той войне не устояли, то вы бы сегодня или вообще не родились, или уже работали бы на шахтах, так как немцы считали, что русским 4-х классов образования будет вполне достаточно.

Франция и Англия науськивали Гитлера на нас и в 1938 году отдали ему Австрию, Чехию и Словакию. Но Гитлер был себе на уме и СССР побаивался, поэтому он сначала (в 1939 г.) разгромил и захватил Польшу (которая в 1938 г. помогала ему захватить Чехословакию), а в 1940 г. напал на Францию и Англию и подчинил себе Францию полностью. Так что когда 22 июня 1941 г. немцы без объявления войны напали на нас, то им делала оружие почти вся Европа и в их войсках была собрана сволочь со всего мира. Достаточно сказать, что когда мы, наконец, разгромили Германию и разобрались с взятыми в ходе войны пленными, то оказалось, что вместе с немцами нас, советских людей, убивали и грабили венгры, румыны, чехи, словаки, итальянцы, французы, голландцы, финны, бельгийцы, датчане, испанцы, норвежцы и даже тогда нейтральные шведы. Всем хотелось русской земли и русских рабов. Немцы ликвидировали Польшу как государство, а поляков сделали своими рабами. Мы Польшу освободили. И что же? Оказалось, что вместе с немцами у нас в 1947 г. в плену сидит 60 280 поляков, которые сражались против нас. Немцы хотели со всей занятой ими территории СССР убрать всех евреев. И что же? Оказалось, что вместе с нападшими на нас немцами мы взяли в плен 10 173 еврея в немецких мундирах.

А на нашей стороне были только честные люди Англии и США, которые по-настоящему вступили в войну всего за год до Победы — летом 1944 г.

Конечно, Советский Союз к войне готовился: подтянул к границе очень много наших войск, а 18 июня 1941 г., за три дня до нападения немцев, наш Генеральный штаб дал приказ привести эти войска в боевую готовность к отражению немецкого удара. Но командовавший нашими войсками в Белоруссии генерал Павлов предал — не привел войска в боевую готовность. И немцы здесь нанесли главный удар. Даже под командой предателя наши войска яростно сопротивлялись, но немцы быстро их окружали и рвались к Москве, заходя в тылы другим нашим фронтам и армиям.

Мы, советские люди, любили свою Родину, нам не нужны были ни чужие земли, ни рабы. Поэтому мы, конечно, так, как немцы, к войне не готовились, нам нужно было разозлиться и прийти в боевую ярость. В связи с этим к всеобщему нашему горю немцы в начале войны добились больших успехов — они подошли к Москве, а летом 1942 г. — к Волге и вышли к Кавказу. Мы потеряли много людей, много заводов и много оружия. Но не сдались!!

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

А немцы были великолепными солдатами, не чета нынешнему НАТО. Они были храбрые, у них было самое тогда совершенное оружие и боевая техника. Если бы не наша Красная Армия и если бы не мы, то немецких солдат и их армию надо было бы считать наилучшими в мире.

Польшу с ее армией в 1,2 млн. человек они разгромили в две недели, причем поляки потеряли всего 60 тысяч солдат (т.е. 5% от численности польской армии) и сдались. Французов немцы победили за месяц, французы потеряли всего 100 тыс. солдат из своей армии в 2,2 млн. человек (менее 5%) и сдались.

Красная Армия на всей территории СССР насчитывала 5,1 млн. человек, а в ходе войны мы потеряли почти 10 млн. солдат, почти две Красные Армии, но не сдались!! Ради вас, ребята, не сдались.

И к 9 мая 1945 г. (выбив у немцев тоже две их армии численности 1941 г.) мы добились их и всех их европейских холуев в их же Берлине.

Так что, ребята, вам, внукам советских людей, не требуется брать пример со всех этих американских рейнджеров и рэмбо. Вам его есть с кого брать. Ваши деды и прадеды били даже немцев Гитлера, а гитлеровским солдатам эти рэмбо и в подметки не годятся».

Итак, ветераны Мещанского района Москвы начали и показали пример. Теперь всем советам ветеранов нужно сделать то же. Только не начинайте с воплей, что деньги нужны. Это в нашем случае не главное, и об этом ниже.

Сначала успеете сохранить воспоминания ветеранов, для чего обяжите каждого написать воспоминания именно для детей и обязательно с хорошо растолкованным победным эпизодом войны. Не было своего — опишите подвиг друга. Это главное!»

* * *

Затем я предложил ветеранам газету «Дуэль» для публикации их воспоминаний и летом 2001 года в пяти номерах дал объявление:

«ТОВАРИЩИ ВЕТЕРАНЫ! Еще раз обращаюсь к вам — подумайте о внуках и будущих поколениях! Ведь сегодня наши подростки берут пример с кого угодно— с каких-то вонючих Рэмбо и Шварценеггеров, но только не с вас. Оставьте же потомкам воспоминания о себе, но не слезливые жалобы о своих муках, а воспоминания о своих подвигах, о том, как вы собственным умом, мужеством, храбростью сумели в бою победить немцев, американцев и прочих душманов.

«Дуэль» и военный летчик, писатель Станислав Грибанов собирают воспоминания ветеранов для серии сборников «Только один бой». Мы просим вас описать один бой из вашей биографии, бой, в котором вы победили врага. Опишите подробно (чтобы подросткам было интересно), как вы это сделали, за счет чего одержали победу. Если не можете писать, надиктуйте детям, внукам.

Вы умираете, а от ваших подвигов ничего не остается, кроме брехливых мемуаров генералов. Дайте же возможность вашим потомкам гордиться вами! Лично вами, а не только всеми вами вместе.

К тексту воспоминаний приложите краткую справку о себе: когда и где родились, кем служили, кем работали (или работаете) после войны, где живете. Сделайте копию своей фронтовой фотографии. Не беспокойтесь о литературе и стиле — мы все это выправим.

Помогите друг другу в этом деле. За работу! «Дуэль» ждет от вас воспоминаний».

Мы получили довольно много воспоминаний, но каких! Большинство ветеранов начисто проигнорировали мое требование и не то, что не стали хвастаться боевыми победами, но и вообще и об этом предпочитали не писать. Причем, не писали и настоящие фронтовики, прошедшие десятки успешных боев. Вот, к примеру, Кирилл Константинович

Отвага

Автор: Administrator
24.05.2011 13:27 -

Берендс. У него 4 настоящие, не юбилейные боевые награды, да еще такие, что всем фронтовикам на зависть: от медали «За отвагу» до «боевика» — самой почетной военной награды — ордена Боевого Красного Знамени. Ему было, о чем рассказать. Комбат полковой батареи Берендс умом и мужеством наверняка обеспечил уничтожение своей батареей вряд ли менее сотни крупных целей: пулеметов, минометов, пушек ПТО, немецких пехотных орудий, цепи атакующих немцев. А вы посмотрите, что он вспоминает.

«Началом этого боевого события стала наша Рава-Русская наступательная операция в июле 1944 г. на территории Западной Украины. Мне довелось быть ее участником: я тогда командовал полковой артиллерийской батареей 76-мм орудий, служил в 43-м Даурском стрелковом полку 106-й Забайкальской дивизии. Перед началом наступления наш исходный рубеж находился в тридцати километрах западнее Луцка.

Перевес в силе был на нашей стороне, поэтому мы успешно наступали и уже 22 июля достигли берега пограничной с Польшей реки Западный Буг. Несмотря на то, что к тому времени уже прошли три года войны, на границе многое напоминало о первых боевых днях прошлых лет: разрушенные постройки пограничной заставы, бывшие укрепления, глубокие воронки на земле и братские захоронения погибших пограничников и членов их семей. Сейчас близко от этого места вырос город угледобытчиков — Нововолыньск.

Без промедления мы форсировали Западный Буг и повели бой за первый для нас населенный пункт на польской земле (м. Крылув). Этот бой был коротким и жарким. «Чужая» земля с первого нашего шага по ней оказалась даже очень колючей. Последующие бои носили характер преследования нами отступающего к Висле противника. 2 августа мы дошли до берега Вислы. Судя по карте, в этом месте (населенный пункт Аннополь) должен был находиться мост через реку. Однако накануне ночью оттуда доносился грохот взрывов, ночное небо освещалось большим заревом.

На месте моста мы увидели одни только торчавшие из воды обуглившиеся сваи. Надежда на то, что мост цел, вызывала у многих командиров частей уверенность в быстрой переправе через водный рубеж. Поэтому вскоре на берегу скопилось очень много всего: пехота, артиллерия, танки, обоз. Настроение у многих уже было победное: пренебрежительно относились к мерам предосторожности и маскировки.

Противник же не дремал и, видимо, ждал подходящего момента: он обрушил на нас сильный огонь, за короткое время мы понесли большие потери, в том числе были уничтожены прибывшие средства для переправы (понтон, лодки, паром и др.).

В первых числах августа на подручных средствах нам удалось форсировать Вислу и захватить плацдарм: три километра по фронту и один километр в глубину. В летопись войны этот плацдарм вошел как Аннопольский.

Местность на плацдарме для нас была очень невыгодной: низкое и открытое пространство почти без растительности, местами заболоченное, и сыпучий песок, который затруднял, если не исключал полностью, возможность создавать укрытия и огневые позиции. За этой частью берега возвышалась гряда холмов, занятая противником. Поэтому он хорошо все видел перед собой и подвергал нас прицельному огню из минометов и пушек.

Перед нами стояла задача: как можно дольше всеми силами удерживать этот плацдарм с целью отвлечения на себя сил противника с других направлений (Варшава и Сандомирский плацдарм). Последний находился очень близко от нас: мы хорошо слышали артиллерийскую перестрелку, а по ночам видели трассирующие огни и вспышки ракет.

Чтобы выполнить поставленную задачу, на плацдарм были переправлены все минометы и пушки полковой и дивизионной артиллерии, за исключением гаубичных батарей артполка. Мы оказались на плацдарме заложниками. Отсутствие с нашей стороны активных боевых действий означало самоубийство. Это, видимо, хорошо понимал командир нашего полка подполковник Кузьма Константинович Драпов. Под его командованием наш полк предпринял дерзкую ночную атаку, но она еще в самом начале натолкнулась на очень сильный встречный огонь противника и захлебнулась. Желаемой цели — улучшения занимаемых нами позиций — мы не достигли, потеряли убитым командира полка (похоронен в Луцке на мемориальном кладбище Героев прошлой войны).

В ночь на 30 августа противник сперва огнем подавил все наши огневые средства на восточном берегу Вислы, затем обрушил огонь на плацдарм: весь плацдарм был перепахан взрывами мин и снарядов, оборона разрушена, и мы понесли большие потери. По дороге к мосту с холмов спустились немецкие танки. И все же из последних сил, но

мы сопротивлялись, хотя и были уже обречены на гибель.

К рассвету наступившего дня Аннопольский плацдарм перестал существовать. Живыми из тех, кто был на нем, остались очень немногие. Моя вина в том, что я уцелел, а вся моя батарея погибла. Прийти в себя после случившегося было трудно: эта «победа» далась нам большой ценой и небывалым подвигом!..

Ко мне подошел один из уцелевших батарейцев и положил передо мной «замок» одного из наших орудий: «...Это все, что осталось от них...» В своем донесении на-чарту полка я ходатайствовал о награждении, посмертно, всего орудийного расчета... Таким был тот, запомнившийся мне на всю жизнь «один бой» протяженностью от Буга до Вислы. О нем остались лишь воспоминания его участников и братские могилы наших воинов, павших в боях на польской земле».

* * *

И вот таких воспоминаний чуть ли не большинство! Я не выдержал и вновь обратился к ветеранам: «Товарищи ветераны! Ну, перестаньте ныть и выставлять подвигом то, как вам было плохо и трудно. Это подвиг, но ветеранским нытьем заполнены все остальные издания. Пишите не о том, как вас били, а о том, как вы били! И поподробнее, чтобы детям было понятно и интересно». После этого обращения ветераны меня же и обругали: «...я был очень удивлен, когда на такой порыв одного из тех солдат Вы, Ю.И., выступили с назиданием ветеранам войны — я имею в виду рассказ т. Берендса в № 1 «Дуэли» «Моя вина в том, что я уцелел». Как же так, Вы, человек, знающий ту войну, по-видимому, только по фильмам да по романам, пытаетесь «отечески» вразумлять солдат «сороковых-роко-вых», где была грань на той войне ДО и ЗА подвигом. Да и вообще, что можно считать подвигом, когда вся жизнь солдат на ТОЙ войне была за гранью возможного... получить отповедь «за нытье», подобно той, что удостоился т. Берендс, просто несправедливо и обидно. Думаю, что Вы отбили охоту у многих фронтовиков-окопников рассказать о себе, как они шли к Победе. Ведь война — это не только одни подвиги, а непомерный ратный труд, что само по себе — подвиг».

Вот так! Вот и попробуй из этих русских сделать баронов мюнхаузенов. Не тот характер...